

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Александр
РОГИНСКИЙ

«Замкнутый круг» — мистический детектив об исчезновении известного врача-психиатра, сына крупного бизнесмена. Также перед читателем разворачиваются любовная линия и семейная драма — конфликт между отцом и сыном.

Порой трудно догадаться, в реальном или виртуальном мире живут герои. Замкнутый круг потому и замкнутый, что создан человеком, который стремится выйти из круга на свободу любой ценой.

Александр Рогинский

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

* * *

Солнечный луч соскользнул с подоконника в полутемную комнату и добрался до лица Кошерина.

Кошерин открыл сначала один глаз, затем второй. Сбросил надвинутое на нос одеяло. И тут же тревога накинута на него. В первое мгновение он не понял, в чем дело. А когда вспомнил, зажмурился от отвращения.

Теперь ему предстоит разобраться с собственным сыном, который уже неделю, как не подавал признаков жизни — не отвечал на звонки, не появлялся на работе. Никто толком не мог объяснить, куда делся Виктор.

Виктор был единственным сыном. И он должен был похоронить отца, предварительно его кремировав. Так Кошерин написал в завещании, которое недавно оформил у нотариуса.

Мысли о собственной смерти с юных лет волновали, и момент похорон был для него более существенным, чем сама смерть. Ему было бы приятно, если бы его похоронили при большом стечении народа.

Увы! Кто бы это сегодня сделал? Из близких и друзей практически никого не осталось: кто уехал, кто умер. И теперь одна надежда на сына, да и тот куда-то делся.

Правда, была еще фирма. Но в завещании он четко прописал — хоронить его должен только сын.

Сначала даже и тревоги не было. Мало ли — взрослый свободный человек. Взбрело в голову, сел в самолет и отправился на Канары, захотел, поменял страну... Но ведь есть какие — то законы приличия. Можно в конце концов записку написать. Но нет же — исчез без всяких следов и объяснений.

Утро нагло влезло в окно и вытянуло Кошерина на балкон, на котором сразу дохнуло холодной сыростью, а в спину, как из печи, тянуло душным неряшливым теплом.

Так он стоял, пока не замерз. Это состояние ему нравилось: доводишь свой организм до границы и с удовольствием наблюдаешь за резкими переходами собственных реакций.

Так, между прочим, Кошерин часто глушил боль и даже чесотку в горле. На одном важном собрании эта чесотка так привязалась к нему, что он уже собирался огласить зал громким чихом, который, как правило, он производил не меньше 25 раз.

И спасло его неожиданно то, что он чесотку перевел в боль зуба.

На сегодня запланирована встреча со следователем Николаем Валентиновичем Смирновым, которому поручили вести дело о пропаже сына. Вчера в кабинете полковника Егорова он познакомился со Смирновым. И обратил внимание, как идет этому человеку его фамилия.

Лицо открытое, без всяких замысловатостей, глаза блекло-синие, почти прозрачные, нос ровный, а кожа гладкая, видно, бреется безопасной бритвой. Волосы некрашенные, шатенистые, гладко зачесанные. Пахло от капитана ароматной туалетной водой, за которой чувствовалось хорошо вымытое тело...

И в фамилии «Смирнов» была чистая простота и благодушность. Можно уважать и доверять. С такими людьми Кошерину всегда было приятно общаться.

Смирнов встал навстречу. На подоконнике гудел паровозом электрический чайник.

— Может, чайку? — спросил учтиво капитан.

По голосу чувствовалось, знает, какое впечатление производит на старого бизнесмена.

— Да я, в общем-то, позавтракал, — сказал Кошерин, тяжело опускаясь на стул.

— Вот купил сокровище, такой красивый на вид, — как бы оправдывался Смирнов, — а на поверку оказался настоящей доменной печью.

Смирнов изучал Кошерина. Кошерин хотел

даже повернуться, чтобы он мог еще познакомиться с его профилем. Но это было бы уже невежливым.

— Мне много приходилось видеть ваш портрет в газетах, — сказал Смирнов. — Фотографии ошибаются.

— Это вы верно заметили, — принял тему Кошерин. — Фотография убивает дух человека, она передает лишь частично переработанную химией информацию.

— Итак, меня интересует все, что связано с вашим сыном. И его дух, который фотография не передает, — улыбнулся капитан.

— Что я могу сказать? Виктору 48 лет, доктор медицинских наук, известный психиатр, лечил многих наших представителей элиты. Имеет научные труды, которые издаются и за рубежом. В быту чистоплотен и аккуратен. Даже педант. Не женат. Вернее, есть у него пассия, но, кажется, они разошлись. Вот практически и все.

Кошерин с интересом посмотрел на капитана, ожидая нового вопроса.

— А ваши взаимоотношения? Вы ведь живете вместе, а я знаю, как нелегко в вашем возрасте наблюдать, скажем, за поведением молодого человека, желающего вести свободный образ жизни.

— Откуда вы знаете про свободный образ жизни?

— Догадываюсь. С годами, знаете ли, у человека в профессии, если он ею занимается серьезно, начинают формироваться особые качества. Ну, как у культуриста, или качка, как мы говорим.

Он развивает определенную группу мышц, которую затем и обслуживает организм. Не задействованные мышцы начинают потихоньку отмирать. На этом принципе все построено в природе. Не зря и говорят, что жизнь — это движение.

Так и у нас вырабатываются способности, скажем, физиогномистов. А у вас лицо достаточно читаемое.

— Виктор человек сложный, характер у него материнский — жесткий, гордый. Для него лучше умереть, чем пойти на поклон. Потому ему и в науке было так тяжело. Приходилось доказывать очевидные вещи, а знаете, сколько вокруг функционеров, которых наука по — настоящему и не волнует?

Что же касается наших конфликтов, то тут вы ошибаетесь. Мы ценили и берегли друг друга. А с женщинами сын общался вне дома. У нас, слава Богу, есть дача.

Он просто мне сообщал, когда будет на даче, таким образом мы избегали неловких контактов. Он жил своей жизнью, а я своей.

— Что такое своей? Вы же встречались утром и вечером, в выходные. Вместе обсуждали проблемы...

— Все это так, обсуждали. Но у каждого есть своя жизнь — внутренняя. В каждом из нас сидит два человека. Один в подсознании, а другой вот, скажем, сейчас сидит перед вами.

— Вы хотите сказать, что один человек правдивый, а другой фальшивый?

— Не совсем так. Вот смотрите. Ваш начальник делает вам несправедливый выговор. Вы начинаете потихоньку возмущаться, ведь все на самом деле не так, и это вы лучше знаете, поскольку это произошло с вами. Но начальник делает выговор и заносит его в личное дело.

На первый раз вы прощаете. А вот во второй уже становитесь его врагом. Вот этот враг и есть тот второй человек, который сидит в вас и формирует свой внутренний мир. А когда-нибудь этот второй сформированный человек вылезает в наш мир и начинает действовать. И тогда люди удивляются: мы таким его не знали, он на себя не похож!

— Значит, второй человек, которого мы в себе воспитываем — враг?

— Не обязательно. Может быть, и друг, а то еще и ваше второе призвание. Всю жизнь вы зарабатывали на хлеб работой. Она вам может

нравиться и даже очень, а на самом деле настоящий ваш талант, скажем, играть на баяне.

И вот, выйдя на пенсию, вы покупаете себе баян и в течение года становитесь виртуозом, потому что всю жизнь в вас формировался музыкант. Точно так с бывшими инженерами, домохозяйками и прочими, которые вдруг начинают писать на склоне лет или после сильного нервного потрясения создавать талантливые картины, стихи, играть блестяще на фортепьяно...

А какие же таланты скрывались у вашего сына?

— По своей натуре он был монахом.

— Монахом? Очень интересно. Не любил людей, а любил затворническую жизнь? Я правильно вас понял?

— Неправильно. К людям он относился участливо, он ведь психиатр, но близко к себе не подпускал. Приходя с работы, он вел отшельнический образ жизни. Мне кажется, он очень увлекся своей профессией, он глубоко знал ее и мог вам при первой встрече все рассказать о вас.

— А как со вторым человеком — был ли он у него?

Кошерин немного помолчал, раздумывая. Вопрос застал его врасплох, хотя несколько минут тому он изложил капитану свою позицию.

— Пожалуй, был. У хорошего психиатра

несколько сфер действия и воздействия. Для него важен каждый жест, каждое слово. Он все фиксирует. И я думаю, это тот самый случай, когда вторым человеком может стать тот, кого в данный момент лечит психиатр, кем интересуется.

— Спасибо, Дмитрий Сергеевич. Приятно было поговорить с вами. Думаю, мы найдем и в дальнейшем с вами общий язык. Меня, знаете ли, тоже интересует психиатрия. Общество у нас уж больно возбужденное и непредсказуемое. Иногда происходят такие выкидыши, которых даже от себя не ожидаешь.

— Вы правильно заметили, Николай Валентинович, наше общество именно возбужденное и непредсказуемое. Исчезновение моего сына как раз это и подтверждает.

На этом их первая официальная встреча закончилась.

Капитан долго жал руку Кошерину и приветливо улыбался, словно они только что заключили выгодную для обоих сделку.

Кошерин поехал к себе в контору. Нынче у него была еще одна встреча с иностранцем, который хотел с помощью его холдинга построить на Левобережье небольшой микрорайон. Очень многие богатые желали вложить свои капиталы в недвижимость.

Им нужен был посредник, который бы

обслуживал их «от» и «до». Фирма, которой они доверяют свои деньги, обязана была быть честной, добропорядочной и надежной.

Таким и был холдинг Кошерина, который пользовался как раз славой надежного партнера. Кошерин был одним из первых, кто понял, что на честности, порядочности и надежности можно неплохо зарабатывать.

* * *

После встречи со швейцарцами, которая привела к подписанию договора о проектировании и строительстве спального микрорайона, Кошерин вызвал к себе своего заместителя Льва Борисовича Кронина и передал ему свежее испеченный документ в работу.

И совершенно неожиданно даже для себя сообщил, что передает все дела на три месяца в его руки, а сам должен наконец отдохнуть. Сердце пошаливает, давно пора поехать подлечиться в санаторий. И потом он уже давно хотел воздать по заслугам умелой и корректной работе Льва Борисовича.

— Но ты же не уходишь? — не смог скрыть радости Кронин. — Мы без тебя не сумеем.

— Сумеете. Под твоим мудрым руководством. Три месяца тебе испытательного срока хватит. А я

отдохну. Пора. Хочу хоть на море спокойно посмотреть. Хватит беготни. Я свое отбежал, — завершил короткий разговор Дмитрий Сергеевич.

Они договорились о постоянной связи друг с другом, Кошерин сел в машину и отбыл домой.

По дороге он с улыбкой подумал, что тот самый второй человек, про которого он говорил в кабинете Смирнова, из него самого вылез и принял столь неожиданное решение. Еще утром и в мыслях близко не было уходить на отдых.

Едучи в машине, Кошерин пытался разобраться в столь скоропалительном решении, чем оно было вызвано? Пришел к выводу, что он хотел помочь Смирнову, попытаться сделать ту работу, которая капитану не доступна. Очевидно, решение вышло в тот самый момент, когда Смирнов начал спрашивать об их взаимоотношениях с Виктором.

Он ведь верно угадал про конфликты.

Конфликты были, еще и какие!

В постперестроечные времена великой смуты Дмитрий Кошерин решил раз и навсегда покончить с бедностью, в которой прожил всю свою жизнь.

И у него были для этого все основания.

Он работал в «Сатурне» простым инженером и вроде бы в ближайшие месяцы и годы ему ничего не светило кроме не обеспечивающий

минимальный прожиточный уровень зарплаты; государство перестало финансировать предприятие.

Директор быстренько перелетел на давно подготовленный «запасной аэродром».

В фирме осталось несколько человек, сохранилось, слава Богу, уникальное оборудование, ведь они занимались военной...

Собрались уходить и другие. А Кошерин предложил остаться и начать выпускать медицинские приборы вместо ракетных и авиационных.

Ход мыслей был таким: сейчас идет разграбление и быстрая приватизация страны. И скоро понадобится для нового класса медицина европейского уровня.

Тут-то они и предложат свои разработки.

А разработки были уникальными, Кошерин удивлялся, как этого не понимали в правительстве.

Не понимали, было не до того. Каждый занимался своими делами. Вот почему и предложил это крайне опасное решение Кошерин своим поделщикам: четверым инженерам и с десяток рабочих.

Для того, чтобы как-то продержаться необходимое для становления время, нужны были деньги. И Кошерин одолжил у одного рекетира приличную сумму, пообещав ему сказочные богатства после возвращения долга.

Тот деньги дал еще и потому, что хорошо знал Кошерина.

Расчеты Кошерина оправдались. Результаты превзошли все ожидания. Через полтора года их приватизированная фирма «Сатурн» была одной из первых, кто производил прекрасные диагностические приборы, которые покупали не только частные, но и зарубежные клиники и предприятия.

С бедностью было покончено. Кошерин купил в центре четырехкомнатную квартиру, машину. Дома было всего в достатке.

Сына, конечно, баловал. В то время, как для дворовых и детсадовских детей простая кукла и машина из жести были раем на земле, Виктор управлял своим игрушечным лимузином с помощью пульта. Был куплен компьютер. Ну, и наконец, Кошерин решил осуществить свою давнюю мечту, которая не далась самому — сделать Виктора музыкантом-виртуозом.

Кошерин вполне мог взять в дом и воспитательницу — педагога по музыке (решено было учить Виктора игре на фортепьяно).

Жена Кристина, которую он забрал из театра, чтобы занималась сыном, вела свободный образ жизни.

Хотелось всерьез заняться семьей. Но он все откладывал и откладывал серьезный разговор с

женой. Да и что он мог сделать, если являлся домой самое раннее в двенадцать ночи.

Мальчик быстро рос, начал проявлять властность. Чуть что — топал ногами, махал руками и ревел так, что дрожать начинали барабанные перепонки. Однажды Дмитрий Сергеевич не удержался и ударил Виктора по лицу. На него набросилась разъяренная как львица Кристина и получилась настоящая драка.

И после этого скандала в доме стало тихо и холодно.

У них была молоденькая домашняя хозяйка Людочка, за которой Виктор стал ухаживать. Однажды Дмитрий Сергеевич заметил плохо отстиранное пятно на простыне Виктора. Сдержаться было трудно, Дмитрий Сергеевич не терпел подле себя человеческой грязи.

За ужином того же дня так и сказал сыну:

— Или женись, или уйди из дома.

Виктор посмотрел на него, как на покалеченную собаку, приползшую просить еды, ответил, что сам будет решать, как ему жить.

Нет, сказал Дмитрий Сергеевич, пока я твой отец, ты будешь выполнять мои указания.

— Это я буду решать, — повторил угрожающе Виктор.

Дмитрию Сергеевичу показалось даже, что он зарычал, как молодой тигр.

Столько презрения в словах своего сына Дмитрий Сергеевич еще не слышал. Виктор вырос красивым и физически гармонично развитым человеком. Он быстро и плавно двигался, лицо было свежим и слегка надменным, но в то же время одухотворенным. Чувствовался большой внутренний потенциал.

Виктор все высказал отцу, что о нем думал. Каждое последующее слово, произнесенное сыном, вгоняло Дмитрия Сергеевича в прострацию. Сначала он чувствовал боль, а затем каждый удар уже лишь глубже вбивал его в землю. На какое-то мгновение Дмитрию Сергеевичу показалось, что у него в голове лопаются сосуды. Он даже ощутил, как что — то горячее разливается в правом полушарии.

В глазах потемнело, и он, собрав все свои силы, влепил сыну пощечину. Как тогда, в детстве.

Но в отличие от детского случая, этот закончился мощным ударом профессиональной руки. Что было потом, Дмитрий Сергеевич не помнил. Он оказался в больнице, в отдельной палате. Его долго лечили от сотрясения мозга.

Приходил участковый, который лишь догадывался, но на самом деле не знал причины избиения. Официально в протоколе со слов, наверное, Виктора было записано о каком-то нападении хулиганов во дворе дома.

Дмитрий Сергеевич не отрицал, что так и произошло, хотя морщился от нелепой лжи сына, придумавшего эту историю, по всей видимости, увиденную в каком-нибудь дурацком фильме.

Виктор, как будто ничего особенного между ними не произошло, приходил навещать отца, приносил передачи с черной икрой, проявлял такую сыновью заботу, что местный медицинский персонал нарадоваться не мог таким редким родственным отношениям.

Дмитрий Сергеевич всячески подыгрывал, а когда вышел из больницы, построил совместную жизнь на принципах невмешательства. Питались отдельно. Какую-то сумму на жизнь Кошерин клал на специальную деревянную тарелочку на кухне.

Люда исчезла из дома, и о ее судьбе Дмитрий Сергеевич ничего не знал, а Виктору даже, кажется, нравилась предложенная отцом схема совместного сожительства.

Сейчас, когда, по сути, Кошерин остался один, он мог признаться себе, что был несчастлив в семейной жизни. Наступает момент, когда ты это понимаешь во всей полноте и перестаешь скрывать от себя.

Он ошибся с выбором жены. Когда встречались, молодая актриса из детского театра Кристина Згурова играла перед ним роль девушки-простушки, как она, вероятно, играла в

театре роль гриба — подберезовика.

Он видел, что она играет, но принимал эту игру за кокетство. А в молодости это, пожалуй, самое привлекательное, что есть в женщине. Кристина обволакивала его своим девичьим туманом, водила в театр, знакомила со своей компанией, в которой процветали простые интимные актерские отношения.

Но об этом Кошерин только догадывался. Побывав однажды «на шашлычках», молодой генеральный директор «Сатурна» понял, что это не его мир.

Больше он в компанию Кристины не стремился. Жена и без него прекрасно обходилась. По сути, ей от Дмитрия нужна была только его социальная фишка. Все-таки генеральный директор.

Виктор быстро рос и не только физически. К десяти годам он уже участвовал в международном конкурсе пианистов в Варшаве. И Дмитрий с облегчением думал, что будущее у его сына прописано навсегда: музыкант.

Кристина везде ездила с сыном, не подпускала к нему никого. Дмитрий смотрел на это сквозь пальцы: в конце концов у него и у Виктора было дело, которым они усердно и профессионально занимались.

Но однажды произошел жуткий случай. На одном из концертов посреди выступления Виктор

вдруг встал, раскланялся и ушел со сцены.

Причем это произошло на концерте, на котором присутствовали первые лица города. Скандал был с последствиями. Учитель Виктора по фортепьяно профессор консерватории Буров, у которого должен был учиться Виктор, тут же отказался от дальнейших уроков, а сам Виктор замкнулся и никакими усилиями его нельзя было заставить сесть за инструмент.

Кристина налетела на мужа, обвинив его в полном безразличии в воспитании сына. Дмитрий Кошерин с удивлением слушал слова жены, ругающейся похлеще грузчика. Сколько же злости в ней накопилось за эти годы!

Она денно и ночью возилась с талантливым мальчиком, а отец даже домой не являлся, шлялся по ресторанам и любовницам.

Особенно понравился Дмитрию сюжет с любовницами. Он даже спросил Кристину как можно спокойней, знает ли она хоть одну?

Да, она знала. Его секретарша Клава, с которой его постоянно видели в ресторане «Мельница».

— Я и ресторана такого не знаю, — спокойно сказал Дмитрий. — А секретарша моя имеет свою семью.

— Ты с ней совокупаешься в своем кабинете, — кричала, окончательно вошедшая в

роль оскорбленной и покинутой Кристина.

Дмитрий Кошерин только головой покачал и удалился в свой кабинет.

Больше он с женой не разговаривал, а дома стал бывать еще реже. Собственно, дома у него не было.

Виктор стал замкнутым, с матерью разговаривал мало. В девятом классе начал заниматься во дворце в кружке психологов.

Дмитрий иногда сажал сына в машину, и они ехали в лес «на шашлыки».

Но и шашлыки, вызвавшие у Кристины новую бурю возмущения, не помогли.

В доме накопилась взрывчатая энергия.

И как раз в это время фирма Кошерина получила огромный заказ из Болгарии. Работы стало еще больше. И вот, когда он был в Софии, ему позвонил его заместитель Лев Борисович Кронин и гробовым голосом сообщил о гибели Кристины. Угорела от газа.

Как пережил те дни Кошерин, он уже и не помнил. Собственно, это был один день, длящийся бесконечно долго. Похороны, расследование, обязанность принимать нелегкие для себя и своей компании решения...

Именно тогда Кошерин решил создать совет директоров, чтобы хоть как — то распределить нагрузки. Иначе, сына надо было бы отдавать в

интернат. А этого Кошерин допустить не мог.

Расследование гибели жены вел какой-то юнец, который каждый день придумывал новую версию. Была здесь и версия убийства матери сыном, а также версия убийства жены мужем.

Допросы были унижительными, отбирали много времени и нервов. В конце концов победила версия несчастного случая, и дело закрыли.

Но у Кошерина остался неприятный осадок. Он хорошо запомнил глаза Виктора, когда следователь прямо спросил его, не хотел ли он таким образом избавиться от докучливой мамыши?

Виктор на удивление спокойно выслушал обвинение, а в глазах сверкнула молния страха. Как ни отгонял от себя эту мысль, она снова возвращалась к Кошерину, обрастая «обоснованными подозрениями».

В конце концов Кошерин заставил себя не думать о смерти жены и всем том, что было связано с ней. Та жизнь унеслась в прошлое и просто — напроsto умерла. И дверь следовало закрыть за прошлым как можно плотней.

Виктор поступил в мединститут, выдержав огромный конкурс. Проучившись три курса, добился права закончить вуз экстерном.

Кошерин помнил, как по ночам работал Виктор, как проходил производственную и преддипломную практику в психиатрической

больнице имени Павлова.

Однажды Кошерин поймал себя на том, что живет рядом с чужим человеком, о котором мало что знает. Отцовское чувство взыграло, или простое любопытство, но Кошерин отправился в мединститут и долго беседовал с замечательным человеком, заведующим кафедрой психиатрии Анастасием Павловичем Бутыриным, который был просто в восторге от Виктора.

Из профессиональных качеств Виктора Бутырин отметил необыкновенную проницательность и экстрасенсорные способности. Это очень важно для психиатра, он должен быстро распознать человеческую душу пациента и использовать максимально свое воздействие на нее, заключил Бутырин.

Женский вопрос у Виктора также был сразу снят. Он ни разу не привел девушку, с которой встречался, домой. Ни разу о ней не заговорил. Бывая на даче в Березовке, Кошерин обнаруживал, что именно здесь происходила скрытая от отца жизнь сына.

Но это было нормально, Виктору шел 25 год — возраст взрослого самостоятельного человека. Таким он, собственно, и был — материально независимым, имел престижную и востребованную профессию. Что еще нужно для спокойного творческого существования?

Этот период совместной жизни с сыном Кошерин считал самым счастливым. Они друг другу не мешали, каждый жил на своей половине и в прямом и в переносном смысле. Только иногда собирались в гостиной и вели отвлеченные разговоры о знакомых, политических событиях.

Когда Дмитрий Сергеевич спрашивал о работе, Виктор отвечал односложно. И после нескольких попыток хоть немного продвинуться за фронт молчания Кошерин-старший закрыл и эту тему. Не хочет рассказывать, значит так надо. И сам Дмитрий Сергеевич ничего не рассказывал Виктору о своих делах. Сына они категорически не интересовали.

Два раза в году они вместе ездили на могилу Кристины, были там непродолжительное время и возвращались домой, выпивали по стопке водки, что означало, что они помнят о таком человеке, который был женой Дмитрия Сергеевича и матерью Виктора.

Так шли годы, ничего внешне не менялось. Разве что Дмитрий Сергеевич стал по — настоящему преуспевающим бизнесменом, ездил по заграницам и дома, естественно, бывал совсем редко. А когда он в одной из командировок, в Ницце, познакомился с богатой француженкой украинского происхождения Эмилией Тундасс, сын Виктор и вовсе отошел на задний план.